

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВНЫЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

РОДОНАЧАЛЬНИКИ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ

Каждый русский сознаёт себя частью всей державы, сознаёт своё родство со всем народонаселением. Оттого-то, где бы русский ни жил на огромных пространствах между Балтикой и Тихим океаном, он прислушивается, когда враги переходят русскую границу, и готов идти Москве на помощь, как шёл в 1612 и 1812 годах.

Александр Герцен

1. “Сего блаженного Даниила избра Бог”

Первый московский князь Даниил был последним сыном Александра Невского. Когда тот умер, маленькому Даниилу было всего два года. Перед своей смертью великий князь Владимирский завещал свои родовые земли: Переяславль – старшему сыну Дмитрию и Москву (по сути, основывая новое княжество) – младшему, Даниилу. Последний во время своего малолетства жил (мать его княгиня Александра умерла) у тверского князя Ярослава Ярославича, своего дяди, который с 1263 года был великим князем владимирским до своей смерти в Орде в 1271 году. Тогда же принял юного княжича к себе на воспитание старший брат Дмитрий Переяславский, который и помог ему сесть на московский стол. По одним сведениям, это произошло в 1272 году, по другим – позже, скорее всего, в 1276-м, когда Дмитрий Александрович после смерти своего дяди Василия Ярославича сел на великокняжеский престол во Владимире.

Собственно говоря, Даниил Александрович не был первым владельцем московским. Будущую столицу России, после упоминания её летописью в 1147 году, девяносто лет не вспоминали, пока деревянный город не постигла трагедия 1237 года. Летописец с великой печалью записывает: “...Тояже зимы взяша татарове Москву, а воеводу убиша, Филиппа Нянка, за православную хрестьянскую веру, князя Владимира яша руками, сына Юрьева, а люди убиша от старца до сущего младенца, а град и церкви огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и, много имения вземше, отъидоша” (“П. С. Русск. Летоп.” 1, 196).

История сохранила имена предшественников Даниила. Достаточно хорошо известно имя Михаила Хоробрита, сына Ярослава Всеволодовича, отважного, но необузданного воина, который с большими перерывами владел Москвой в общей сложности десять лет (1238–1248).

Совсем неизвестно для широкого читателя имя его предтечи – Владимира Всеволодовича. Его отец – Всеволод Большое Гнездо – умер во Владимире-Залесском (так раньше назывался нынешний Владимир. – **А. П.**) в апреле 1212 года. Отписав по завещанию крупные уделы старшим сыновьям (а было их к тому времени пятеро, ещё двое – близнецы Борис и Глеб – умерли в детстве), он оставил Владимиру Москву и Дмитров, а самому младшему – Ивану – городок Стародуб (от князей стародубских вёл свой род Дмитрий Пожарский. – **А. П.**).

Великий князь Юрий Всеволодович – второй брат по рождению, но по воле отца получивший владимирский стол, – несмотря на первенство и желание отца, решил перераспределить уделы и пытался забрать Москву себе, но семнадцатилетний Владимир отказался подчиниться воле брата, да и москвичи поддержали его, выступив впервые против воли самого владимирского князя. Он успел прокняжить всего один год, ибо в 1213 году Юрий Всеволодович с братьями Ярославом и Святославом “пришед, оседе Москву, свой ему город”, как писал владимирский летописец, и прогнали его княжить в Переяславль Русский под Киевом, по сути дела сделав изгоем. В 1215 году он выступил со своей дружиной против половцев, но был разбит и попал в плен. К счастью для него, в следующем году произошло сражение между братьями Юрием и Константином (старшим по рождению братом) под Юрьевом Польским, в котором ростовский князь Константин одолел владимирского Юрия и сел на его стол. Константин выкупил Владимира из половецкого плена и отдал ему Москву, исполняя волю своего отца, в 1127 году.

На следующий год Константин неожиданно умирает, но Юрий, вокняжившись во Владимире, оставляет брата сидеть на столе в Москве. Историк В. Н. Татищев утверждал по известным ему документам, что Владимир Всеволодович умер московским князем. Жизнь его сложилась крайне неудачно. Он не был счастлив ни в битвах, ни в семейной жизни, ни в княжеской и умер в тридцать три года бездетным.

Теперь, после такого экскурса в нашу историю, вернёмся к Даниилу Александровичу, который является родоначальником истинных московских князей.

Как мы уже говорили, Даниил сел на Москве в пятнадцать лет. Нрава он был спокойного, но твёрдого, богобоязнен, но умел держать удар и постоять за себя.

То, что Даниил Александрович Московский был смелым воином, подтверждает и победа его над литовцами в 1285 году. Литовские отряды во главе с князем литовским Довмонтом напали на тверскую землю и разорили Олешню, принадлежавшую тверскому епископу Симеону (Троицкая летопись). Нагружённые добычей, они пытались уйти, но Даниил вместе с тверичами, дмитровцами, ржевчанами догнал их и отомстил за насилие.

В 1293 году враждебные отношения Дмитрия Переяславского и Андрея Городецкого в борьбе за великокняжеский стол достигли своего апогея. Самолюбивый Андрей не мог смириться с тем, что старший брат Дмитрий стал великим князем. Подговорив своих товарищей, удельных князей, пожаловаться на великого князя, они поехали в Золотую Орду *искать правду*, ожидая, что ордынский правитель вызовет на скорый суд и накажет Дмитрия. Но хан Тохта решил по иному. Видимо, и ему надоели эти русские князья, пытавшиеся разрешить свои проблемы, вовлекая правителя Золотой Орды в недостойный спор. Он отдал приказ собрать карательное войско и, поставив во главе его брата своего Дюденю, отправил на Северо-Восточную Русь для погромов. Тем более что дело ожидалось быть весьма прибыльным.

Не впервой Андрей Александрович приводил монголов на родные земли, желая доказать небеспочвенность своих великокняжеских амбиций, но этот карательный поход мог сравниться по своей жестокости только с нашествием Батыя. Дюденю рать устроила настоящее разорение русских земель. Вот как описывает это летописец: “В лето 6801 (от сотворения мира, или в 1293 году от Р. Х. – **А. П.**) бысть в Русской земли Дюденева рать на великого князя Дмитрея Александровича, и взяша столный град славный Володимерь, и Суждаль, и Муром, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можайск, Волок,

Дмитров, Угличе поле, а всех городов взяше татарове 14. Поиде бо из Орды ратью с татари князь Андреи и князь Федор Ростиславич на князя великаго Дмитрея Александровича, на брата своего старейшего, а князь великий Дмитриеи тогда был в Переяславли. Слышав же горожане переяславци рать татарскую, разбегошася разно люди черныя и все волости переяславския. После же и сам князь великий Дмитриеи и з своею дружиною побеже к Волоку, а оттоле к Пскову. И тако замятеся вся земля Суждальская...”

Москву ордынцы взяли хитростью, пообещав не тронуть, если впустят в город. И, как всегда, нарушили своё слово: разграбили Москву, побили жителей, но князя Даниила всё-таки не тронули.

Этот поход имел следствием своим наглядную демонстрацию права силы перед правом наследования по старшинству. Отныне младшие стали уважать только ханский ярлык – решение повелителя Золотой Орды. И претендентов на ярлык стало множество. С этого момента Русь была ввержена в яростную междоусобицу. По верному замечанию историка Н. Устрялова, “народу оставалось терпеть и лить кровь за князей ослеплённых”.

Захвативший иноверной силой владимирский стол Андрей Александрович Скоросый (“Вспылчивый”) решил урезать уделы своих братьев, сидящих в Переяславле-Залесском, Москве и Твери (двоюродный брат Михаил Ярославич), но Даниил Московский и Михаил Тверской не смирились с таким решением. Они собрали свои полки, и вышли навстречу великому князю владимирскому. Рати встретились у Юрьева. И Андрею Александровичу пришлось отступить.

Совместный выход Даниила Московского и Михаила Тверского против великого князя владимирского и победа их укрепила в глазах русских князей значение Москвы как города, ведущего самостоятельную политику. Да и сам Даниил почуствовал свою силу. В 1300 году он напал на Коломну, которая принадлежала тогда рязанскому княжеству, и присоединил её к Москве. Константин Романович, владетель Рязани, призвал на помощь, как некогда Олег Рязанский, ордынцев и в следующем году вышел против Даниила. Но московскому князю удалось разбить их объединённое войско под Переяславлем-Рязанским. Константин Романович попал в плен к москвичам. В результате этой победы Коломна со всей округой вошла в Московское княжество как составная часть его уже навсегда.

На этом расширение пределов владений Даниила Александровича не остановилось. В 1302 году умер добрейший князь переяславский Иван Дмитриевич, внук Александра Невского. Поскольку он не имел детей, то город свой завещал Даниилу, ибо любил своего дядю, как писал летописец, “паче инех”. Вместе с Переяславлем московский князь получил и город Дмитров. Андрей Городецкий пытался отнять родовое гнездо у младшего брата, ибо выморочный удел по традиции должен возвращаться к великому князю владимирскому, но Даниил тут же послал своего сына Юрия с мощным отрядом, и тот прогнал владимирцев. Великий князь пожаловался в Золотую Орду, но москвичи не подчинились и ханскому приказу.

Даниил Московский уже тогда понимал, что только лишь приращением земель княжества не усилишь. Столица должна соответствовать новому статусу, а потому в Москве, как в Киеве и Владимире, нужно было возводить величественные храмы. Продолжая начатое Владимиром Всеволодовичем строительство (церковь в честь Дмитрия Солунского), он задумал поставить за Москвой-рекой возле княжьего двора монастырь в честь своего небесного покровителя – Даниила Столпника с каменной церковью Спаса Преображения. В 1296 году был выстроен и Богоявленский монастырь. Именно в нём служил одним из первых игуменов Стефан, брат Сергия Радонежского, который дружил с Алексием, будущим митрополитом всея Руси. Уже тогда заложено было великое переплетение державных судеб.

Возможно, что Даниил Московский расширил пределы Кремля, готовя Москву к новому предназначению – роли стольного города. “В лето 6799 (1291) месяца июля в 21 день... устроися град Москва от Москва-реки” – так записано в одной из псковских летописей. Именно тогда и была, видимо, построена церковь Спаса на Бору (около нынешних Боровицких ворот).

Даниил Московский был, вне сомнения, богобоязненным человеком – “Степенная книга”, созданная в 1560–1563 годах под началом митрополита Макария, писала: “Сего блаженного Даниила избра Бог”, – но это смирение ему, как, впрочем, и всем князьям, жившим в те времена, не помешало напа-

дать на ослабевших соседей. В 1303 году он готовился к нападению на Можайск, желая отобрать его у смоленских князей. Но в марте того же года, успев принять схиму в Даниловом монастыре, он скончался, передав своё княжение старшему сыну Юрию, который в этот момент находился в Переяславле.

Современный историк Николай Борисов писал в своей книге «Иван Калита»: «Князь Даниил Московский умер, как и жил, — скромно. И день выбрал — словно подгадал. Шёл Великий пост, время скорби и покаяния, когда все предавались размышлениям о своих грехах, о неизбежной смерти и Страшном суде». Летописец записывает беспристрастно: «В лето 6812 месяца марта в 5, в великое говение, на безымянной неделе во вторник преставился князь Данило Александрович».

Похоронили московского князя, как он и просил, на общем монастырском кладбище, вместе со всеми братьями во Христе. Потомки его, к сожалению, не следили за могилой своего мужественного предка, и она оказалась в забвении. В запустение пришёл и монастырь его. Но прошли десятилетия, и на забытой могиле стали происходить чудеса: здесь исцелился коломенский купец. Один юноша из окружения Ивана III рассказывал, что ему явился сам Даниил Московский и велел передать такие слова своему господину: «Скажи великому князю Ивану: се убо сам всячески себя утешаешь, меня же забвению предал». Иван III, узнав об этом, велел установить сборные панихиды о душах своих родственников. Князь И. М. Шуйский, вельможа сына его, Василия III, имел несчастье попытаться сесть с надгробного камня Даниила на своего коня и был сброшен на землю. Конь пал мертвым, а князя с трудом отпели на этом месте молебнами. И всё же, несмотря на эти знаменья, ещё долго память о Данииле Московском была в забвении. И только при молодом Иване Грозном, воспитаннике митрополита Макария, произошло чудо: был восстановлен Данилов монастырь и выстроена каменная церковь. Царь каждый год стал приходить на могилу своего предка вместе с митрополитом и совершать заупокойную службу. Мы помним, что именно при Иване Грозном Александр Невский был причислен к лику святых. А мощи Даниила Московского были обретены нетленными 30 августа 1652 года и перенесены в храм Семи Вселенских Соборов Данилова монастыря. Но это было уже тогда, когда Москва стала столицей огромного царства.

Ради истины стоит сказать о легенде, озвученной «Повестью о зачале Москвы», которая жива в сознании некоторых читателей и по сей день. В ней рассказывается об убийстве Даниила сыновьями московского боярина Кучки, которых вдохновила на чёрное дело супруга князя Улита, и приводится немало душераздирающих подробностей. Я несколько лет вёл передачи о русской истории на радио, и мне задавали нередко вопросы на эту тему. Со сказаниями и преданиями спорить невозможно. Серьёзные историки отвергают легенду об убийстве Даниила, ибо она построена на событиях, произошедших с владимирским князем Андреем Боголюбским. Это его убили сыновья московского боярина Кучки, и предала собственная сладострастная супруга. О московском князе таких сообщений нет, да и сыновья его, будущие великие князья Юрий и Иван, не оставили никаких свидетельств.

Для нас ясно то, что Даниил Московский был человеком благоразумным, умеющим ладить с людьми. Он так выстроил свою политику, что сумел привлечь в молодое княжество множество беженцев из разорённых Киева, Чернигова и других русских княжеств, давая им кров и пропитание. А люди, обустроившись, становились защитниками земли, обогрешей их, и пополняли княжескую казну своими доходами. Так Москва набирала экономическую силу. Ей предстояло сделать ещё многое. Сыновья Даниила — дерзкий Юрий, умный и дальновидный Иван Калита продолжат начатое дело, внуки и правнуки расширят пределы государства, но не будем забывать о том, что всё это было заложено Александром Невским и выросло из Даниилова семени.

2. Начальные создатели Московии: князь Юрий и князь Иван

Иван Данилович Калита, великий князь Владимирский и Московский, 31 марта 1340 года умер в Москве от тяжёлой болезни.

Незадолго до этого, будучи явно нездоровым, он, тем не менее, вместе с сыновьями Симеоном и Иваном совершил сложнейшую в его положении поездку в Золотую Орду, отстаивая своё право на великое княжение от претен-

зий тверского князя Александра Михайловича. Последствия этого достойного, хотя и отчаянного, шага для упрочения значения Москвы как лидера среди русских княжеств необычайно велики. Борьба не на жизнь, а на смерть между потомками Александра Ярославича Невского – родоначальника московской династии Рюриковичей – и потомками его брата Ярослава III, который стал родоначальником тверской династии Рюриковичей, с этого момента медленно затихает. Первенство Москвы становится настолько неоспоримым и наследственным, что внук Калиты Дмитрий Иванович (будущий Донской) так и не дал сесть на владимирский стол тверскому князю Михаилу Александровичу (внуку Михаила Тверского), несмотря на то, что тот трижды получал в Орде ярлыки (осенью 1370-го, весной 1371-го и в июле 1375 года) на великое княжение. В те времена такое непослушание являлось великой дерзостью.

Историк С. М. Соловьёв так пишет о противостоянии Твери и Москвы: “Для Москвы средства к этой борьбе были приготовлены ещё при Данииле, начал борьбу и неумоимо продолжал Юрий Данилович. Калита умел воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу с полным торжеством для своего княжества и дал современникам почувствовать первые добрые следствия этого торжества, дал им предвкусить выгоды единовластия, почему и перешёл в потомство с именем первого собирателя Русской земли” (Соловьёв С. М., Сочинения, М., “Мысль”, 1988. Т. 3–4. С. 234).

Когда пишут о Калите как о зачинателе собирания русских земель, ссылаются часто на его интуицию собственника, желавшего приобрести как можно больше земель для расширения своего удела. И забывают о главном. Забывают о национальных задачах Московской Руси. Мысль о Руси как “общей отчизне” подспудно владела народом и активно поддерживалась единоначалием церкви и самой Церковью. Именно при Иване Даниловиче эта мысль стала проникать в сознание правителей небольшого княжества. Эта идея, и ничто другое, овладела делами его сыновей. Не случайно уже Симеона Ивановича называли Государем всея Руси (хотя его отец только в одной грамоте местного значения так назвал себя), а византийский император Иоанн Кантакузин обращается к нему таким образом: “Благороднейший великий князь всея Руси, любезный сродник моего царского величества, кир Симеон”. Подобно именует его и Вселенский Патриарх: “благороднейший князь всея Руси и любезный сродник высочайшего и святого самодержца моего” (Р. И. Б. Т. VI, прилож. С. 16, 26 и 36).

Авторитет московских князей растёт неуклонно, несмотря на то, что правитель Византии и Церковь Вселенская считали мирскую и церковную власть Московского княжества гораздо ниже себя, в подчинённом положении со времён принятия христианства Владимиром Великим. Но началось это движение с весьма взвешенной и разумно проводимой политики умного и деятельного Ивана Даниловича.

Впрочем, ради объективности стоит сказать, что такое мнение оспаривалось многими исследователями Московской Руси. Историк русского права В. И. Сергиевич назвал Ивана I человеком, “лишённым качеств государя и политика”. Н. М. Карамзин утверждал, что могущество Москвы есть “сила, воспитанная хитростью”. Н. И. Костомаров считал, что Калита был “человек характера невоинственного, хотя и хитрый”. Д. И. Иловайский писал о нём: “Необыкновенно расчётливый и осторожный, он пользовался всеми средствами к достижению главной цели, то есть возвышению Москвы за счёт её соседей”. Именно Иловайский перевёл слово “калита” как мешок с деньгами. И было в этом определении многое от куркуля и скопидома, хотя на самом деле Калитой называли Ивана Даниловича за его доброе отношение к нищим, которым он раздаривал деньги из своего кошелька, “даяще нищим, сколько вымется” (игумен Пафнутий Боровский).

При советской власти Ивану I досталось ещё сильнее от М. Н. Покровского, А. И. Насонова, В. В. Мавродина, Л. В. Черепнина. Вот что писал последний: “Этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью. Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других князей, не брезгуя для этого татарской помощью, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества”. Умение выбирать союзников в борьбе против агрессоров всегда считалось достоинством для государственных деятелей: вспомни хотя бы Александра Невского, который привлекал татарские полки для отпора католической экспансии.

Автор первой его биографии Н. С. Борисов вполне резонно замечает: “Развенчание и охуление Ивана Калиты, в конце концов, вызвало законный вопрос: да мог ли столь низменный человек исполнить столь великую историческую задачу, как основание Московского государства? Ответ напрашивался двоякий: либо он не был основателем, либо созданный историками образ Калиты недостоверен” (“Иван Калита”. М., “Молодая гвардия”, ЖЗЛ, 1995. С. 8). Своей книгой – доказательной, во многом новаторской – Николай Сергеевич отвечает: “Да, образ, созданный историками, недостоверен!” И призывает к себе в союзники авторитетного исследователя политической истории России А. Е. Преснякова: “Обзор фактических сведений о деятельности великого князя Ивана Даниловича не даёт оснований для его характеристики как князя-“скопидома”, представителя “удельной” уюсти и замкнутости вотчинных интересов. Эта его характеристика, столь обычная в нашей исторической литературе, построена на впечатлении от его духовных грамот, которые, однако, касаются только московской отчины и её семейно-вотчинных распорядков”.

Год рождения Калиты даётся в разных справочниках по-разному: между 1282 и 1284 годами. Но Н. С. Борисов предлагает датировать его 1288 (или около того) годом. Первое упоминание об Иване Даниловиче появляется в одной старинной новгородской летописи. В ней говорится о том, что в 1296 году новгородцы призвали князя Даниила к себе править. “И присла князь переже себе сына своего в свое место именем Ивана”. В те времена рано начиналось княжеское служение – после семи лет князья принимали на себя правление, конечно, номинально, но опыт приобретался постепенно. Так было с дедом его Александром Невским, севшим на престол в возрасте около восьми лет, и с дядей его Дмитрием – около девяти лет. Судя по всему, Даниил Александрович возлагал на своего младшего сына большие надежды.

В 1303 году 4 марта умер Даниил Александрович, и московским князем стал Юрий. Смелый до безрассудства, он продолжил дело отца в собирании русских земель. Вместе со своими братьями он захватил Можайск, принадлежавший Смоленскому княжеству. Это приобретение имело для Москвы сверхважное значение: держа в своих руках Коломну и Можайск, московский князь контролировал всю Москва-реку от верха до устья и был свободен в своих движениях в смоленскую и рязанскую земли. В следующем году, после смерти великого князя Владимирского, вслед за Михаилом Тверским он отправляется в Золотую Орду пытаться счастья в борьбе за ярлык на великое княжение Владимирское.

В отсутствие князей тверичи решили захватить Переяславль. 15-летний князь Иван вышел навстречу тверичам и в битве разгромил их. Как видим, Калита не избегал брани, но в будущем предпочитал, как и его потомок, правнук Иван III, решать подобные дела дипломатическим путём.

В своих притязаниях на великое княжение Юрий Данилович опирался на помощь Великого Новгорода. Он не раз помогал северянам в битвах с тверичами, с немцами и шведами. Так, в 1323 году он ходил против шведов на Неву, где поставил на Ореховом острове городок, будущий Шлиссельбург. Да и в Золотой орде он нашёл себе “подарками и ловкостью” союзников: хан Узбек отдал за него свою сестру Кончаку, в крещении Агафью. Получив ярлык на великое княжение Владимирское, он собрал большое войско и вместе с ханским вельможей Кавгадыем пошёл на Тверь. В сорока километрах от неё Михаил Тверской встретил Юрия Московского и разбил его войско, взяв в плен многих бояр и супругу князя.

В ставке хана Тохты Юрия победил в соперничестве Михаил Тверской, – он дал большой выкуп и обещания татарам. Но вражда их на этом не закончилась. В итоге оба они погибли в ставке хана с разницей ровно в шесть лет. И вражда между Тверью и Москвой пошла по новому кругу, пока не утихла окончательно при Иване III.

Иван Данилович, который уже три года был практически князем Московским в отсутствие Юрия Даниловича, тяжело переживал убийство любимого старшего брата. Его утешал митрополит Пётр. В начале XIV в., когда против митрополита Петра восстала довольно сильная партия духовенства, обвиняя его в еретичестве, инок Акиндин писал великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому, что ему следует исправить зло; он упрекал его за молчание, “видя ересь растущу и множающуюся”, и напоминал: “Повелено и тебе, господине княже, не молчати о сем святителем своим... Царь еси в своей земли;

ты истязан имаши быти на страшнем и нелицемернем судище Христове, аще смолчиши митрополиту” (Р. И. Б. VI, № 16). Тверской князь, однако, не мог воспретить митрополиту его беззаконий, хотя и вмешался в это дело: митрополит Пётр стоял под защитой московского князя и на переяславском соборе был оправдан от взводимых на него обвинений (М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб, 1889. С. 52). Этим князем был Юрий Данилович.

Здесь же, на соборе произошла встреча Ивана Даниловича, который в тот момент был главой Переяславского удела, с митрополитом Петром. Будущий Калита нашёл духовную поддержку в лице иерарха Русской Православной Церкви.

Именно Пётр посоветовал Ивану I построить собор Успения Пресвятой Богородицы в Москве не хуже Владимирского. 4 августа 1326 года был заложен будущий соборный храм всей России как символ единения державы российской. У первосвятителя после долгих раздумий, видимо, не случайно, появилась благая мысль поставить Москву выше Владимира, который наследовал место Киева. Ему нравился этот быстро растущий город. И потому в решении выделить Москву среди других городов сказалось личное желание его упокоиться именно здесь. К сожалению, митрополит Пётр не дожил до освящения собора, состоявшегося ровно через год. Мощи святителя, который любил Москву и часто останавливался в ней, стали святыней для верующих. Потому новый митрополит Феогност уже не хотел оставить без своего присутствия “гроба и дома чудотворца”. Таким образом, через 28 лет после переноса митрополии из Киева во Владимир Москва стала духовным центром русских земель, а на следующий год Иван Калита получил ярлык на великое княжение Владимирское. Вот как это произошло.

15 августа 1327 года в Твери случилось стихийное восстание против татар, точнее, против отряда Шевкала, двоюродного брата хана Узбека. Поводом послужило отнятие ордынцами у дьяка Дудко его кобылы. Ордынцы и до этого вели себя, как грабители, и потому этот эпизод только подлил масла в костёр ненависти, которую испытывало русское население к завоевателям. Александр Михайлович, ставший великим князем Владимирским по воле Узбека, несмотря на то, что его брата Дмитрия, убившего Юрия Московского в ставке хана, казнили, не хотел больших осложнений. Но таков был справедливый порыв против угнетателей, что князь не смог перечить соплеменникам и поддержал их. Весь ордынский отряд и сам Шевкал погибли от разъярённых тверичей.

Властолюбивый Узбек решил жестоко покарать убийц своих людей, но чужими руками. Повеление хана о срочном приезде в Орду пришло в Москву осенью этого же года. Иван Данилович, прекрасно понимая, что значит послушание, повиновался. Вскоре пятидесятитысячное войско – “Федорчукова рать” (по имени одного из темников) выступила на Русь. Во главе его стоял Иван Данилович. К нему присоединился троюродный брат Калиты и Михаила Тверского суздальский князь Александр Васильевич, который вскоре станет вместе с Иваном Даниловичем соправителем Владимирского княжества. Жестокий вихрем промчалось по Тверскому княжеству ордынское войско. Князь Александр и двоюродные братья его Константин и Василий бежали. Были разграблены и сожжены Тверь и Кашин. Новгород смог откупиться. Опустошение прошло и по Рязанской земле. Но Москвы это лихо не коснулось. Как, впрочем, и в последующие годы.

Немаловажное значение для формирования центра нового государства имела стабильность жизни княжества. Не случайно и С. М. Соловьёв, ссылаясь на свидетельства древних авторов, говорит о том, что “...предки наши представляли себе Калиту установителем тишины, безопасности, внутреннего наряда, который до тех пор постоянно был нарушаем сперва родовыми усобицами княжескими, потом усобицами князей или, лучше сказать, отдельных княжеств для усиления себя на счёт всех других, что вело к единовластию”. Такой же процесс происходил в юго-западной Руси, Литве, Польше, Венгрии...

Калита начинает расширять пределы наследного удела. Как соправитель, в 1328 году он получал ярлык на право владения Костромой и Новгородом. Александр Суздальский получил во владение Владимир, Переяславль и Нижний Новгород. Сыновья Михаила Тверского получили: Константин – Тверь, а Василий – Кашин. Кроме того, Калита, судя по всему, получил пра-

во верховной власти и сбора дани с Галича (Костромской), Углича и Белозера. Это были богатые северные земли.

Через три года умирает бездетный ростовский князь Фёдор Васильевич, и Калита присоединяет к Москве выморочный удел: половину Ростовского княжества и Сретенскую часть города Ростова. После смерти Александра Суздальского Калита получает от Узбека ярлык на полное владение великим княжеством Владимирским. Кроме этого, он выхлопотал право самому собирать дань для хана — так русские земли предохранялись от набегов баскаков и воинственных грабителей.

Получив право сбора дани, Калита решил перераспределить её размер по землям. Многие княжества в результате обнищания не могли платить выход, который был установлен в давние времена. Новгород, в связи с приращением к нему новых областей в верховьях Камы, по Печоре и Вычегде, по решению Калиты должен был платить дополнительную подать — “закамское серебро”.

Естественно, что это не понравилось новгородцам. Тогда в 1332 году великий князь отнимает у Новгорода города Торжок и Бежецкий Верх и прерывает пути доставки хлеба в него. Противоборство длилось около двух лет, конечно же, с демонстрацией силы, но без применения её, и закончилось миром: новгородцы обязались выплачивать дань. В феврале 1335 года Калита приехал в Новгород и привёл под свою руку город.

Но насладиться вволю результатами своих трудов он не мог. Александр Михайлович Тверской сумел вернуть расположение Узбека, и тот возвратил ему отцовский удел осенью 1337 года. А через некоторое время неугомонный князь решил поспорить с Калитой о великом княжении Владимирском. Этого не мог допустить Иван Данилович: столько лет он выстраивал политику усиления Московского княжества, объединения под эгидой Православия всех исторических русских земель, и вдруг всё это может рухнуть в одночасье... Уже недовольные действиями Калиты потянулись в сторону Твери, уже верные люди доносили из вражьего стана о сборе войска против Москвы, уже собственный зять Василий Давыдович Ярославский перешёл на сторону соперника...

И тогда Калита собирает все мыслимые и немыслимые жалобы на Александра Михайловича, вместе с сыновьями прибывает в ставку хана, убеждает Узбека в ненависти тверского князя к Орде и обвиняет в порочащих тогда связях с Литвой. Хан, поверив этим доказательствам, отпускает Калиту домой и вызывает на суд в Орду тверского князя. Спустя некоторое время Александру Михайловичу зачитывают смертный приговор и вместе с сыном убивают. Сыновей же Калиты, которые приехали также на суд, Узбек с почестями отпускает домой. В знак своей победы московский князь приказывает снять с соборной колокольни Твери большой колокол и отвезти его в Москву.

Так явно не по-рыцарски был побеждён соперник, тоже не рыцарь, в жестокой борьбе за право возглавить будущее знаменитое государство, империю, которой дадут имя Третьего Рима. И это не случайно, ибо после разгрома Второго Рима именно Москва перехватит из неверных уже рук знамя Православия — истинной веры. Калита поработал немало для укрепления её в русских землях, построив только в Москве множество храмов. Известный книжник, человек глубоко верующий, он понимал, что без значимых соборов Москва не сможет стать столицей Северо-Восточной Руси. Но сколько их было построено в его княжение? Привожу свидетельство историка В. В. Назаревского “Из истории Москвы. 1147–1913” (книга вышла ровно 100 лет назад. — А. П.): “Через три года после смерти Калиты, под 1343 годом, летописец отмечает: “мая 31 погоре город Москва, церковей изгорело 28; в пятнадцать лет (1328–1333), се на Москве уже четвертый пожар бысть великой. В 1337 году быть пожар на Москве (Москва вся погоре), сгоре церковей 18”.

Значит, только в течение шести лет, с 1337-го по 1343 год было выстроено множество церковей. Не только эти 18 сгоревших храмов были выстроены вновь или только восстановлены, но было построено ещё уже новых 10, кои в числе 28 сгорели в 1343 году”. И далее объективный историк сетует на то, что его коллеги мало обращают внимания на храмоздательство Ивана Даниловича и на его усердие к Церкви и её владыкам, “хотя эта черта его характера и деятельности не менее важна, чем, например, накопление им богатства и даже собирание земель”.

Судьба сделала его, четвёртого сына Даниила Московского, великим князем, основателем знаменитой державы. Но она же в двенадцатилетнем воз-

расте (в 1300 году) промыслительно сделала его крёстным отцом сына московского боярина Фёдора Бяконта, который, повзрослев, примет постриг в Богоявленском монастыре Москвы. В год смерти Калиты он станет митрополитом, а через четырнадцать лет – митрополитом Алексием. Именно он будет духовником внука Ивана I Дмитрия Донского. Именно он подвигнет молодого полководца на борьбу за независимость Руси. А благословит его на это святое дело Сергей Радонежский, сподвижник Алексия и второй великий вдохновитель русского государства.

УТВЕРЖДЕНИЕ ДОМА КАЛИТЫ

1. “Все князья руськие под руце его даны”

Всего за три четверти века, то есть за жизнь современного человека, незранный городок Москва – одно из самых незаметных удельных владений при начале правления Даниила Александровича (1276) – превратился при начале правления его внука Симеона Гордого (1340–1353) в наиболее сильное русское княжество, а владетель его, не имевший никаких шансов получить по наследству великокняжеский стол, становится великим князем владимирским, умом своим и увесистым кошельком побеждая в ставке хана Золотой орды дядей своих Константина Михайловича Тверского и Константина Васильевича Суздальского.

Василий Осипович Ключевский, известный русский историк, сообщает об имени Ивана Калиты: “В первой духовной этого князя, написанной в 1327 году, перечислены все его вотчинные владения. Они состояли из пяти или семи городов с уездами. То были: Москва, Коломна, Можайск, Звенигород, Серпухов, Руза и Радонеж, если только эти две последние волости были тогда городами (Переяславль не упомянут в грамоте). В этих уездах находились 51 сельская волость и до 40 дворцовых сел. Вот весь удел Калиты, когда он стал великим князем” (В. О. Ключевский. Сочинения в восьми томах. М., ГИПЛ, 1957. Т. 2. С. 16).

Но спустя всего лишь тринадцать лет, уже после смерти Ивана Даниловича – об этом можно судить по двум дошедшим до нас духовным грамотам – трём его сыновьям и жене достаются значительные владения. Мы приводим выписку из трудов Сергея Михайловича Соловьёва, ещё одного замечательного русского историка. Он пишет: “. . . старшему, Семену, отдано 26 городов и селений, в числе которых примысли Юрия Даниловича – Можайск и Коломна; второму сыну, Ивану, 23 города и селения, из них главные Звенигород и Руза; третьему, Андрею, 21 город и селение, из них известнее Серпухов; княгине с меньшими детьми – опять 26. Таким образом, величина уделов следует по старшинству: самый старший и материально сильнее, притом города его значительнее, например, Можайск был особым княжеством; старшему же должно было получить и великокняжескую область Владимирскую с Переяславлем” (С. М. Соловьёв. История России с древнейших времен. М., “Мысль”, 1988. Том 3. С. 234–235).

Симеон Иванович получил от отца в наследство не только наиболее весомую часть Московского княжества, но и славу рачительного хозяина, твёрдую руку управителя, умных бояр, воспитанных Иваном Калитой, уважение духовной власти и благодарность за десятилетия тишины от жителей. По примеру своего отца он знал, какими золотыми ключами открываются сердца хана Узбека и его приближённых. В 1340 году Симеон, сумев завоевать доверие повелителя Золотой Орды, вступил на престол в соборном храме Владимира, именуясь уже великим князем всея Руси. “Все князья руськие под руце его даны”, – записал летописец.

Братья Симеона Иван и Андрей поклялись у гроба Калиты чтить великого князя за отца, любить общих друзей и союзников, а против врагов восставать заодно. С. М. Соловьёв приводит красноречивый договор между братьями: “Я, князь великий Симеон Иоаннович, всея Руси с своими братьями меньшими, с князем Иваном и князем Андреем, целовали между собою крест у отцовского гроба. Быть нам заодно до смерти, брата старшего иметь и чтить в отцово место; а тебе, господин князь великий, без нас не доканчивать ни с кем” (указ. соч. Т. 3, книга II. С. 250). И клятву свою братнюю сдержали.

Важно отметить и то, что дом Калиты никогда не уничтожал своих близких, как это происходило в Золотой Орде, где с приходом нового хана вырезались братья (так было с сыном Узбека Джанибеком, который убил двух братьев, а родной сын его Бердибек убил Джанибека и двенадцать своих братьев; в свою очередь, он был убит своим сыном Кулпою...), или в Литовском княжестве, где Гедимин отсёк боковые ветви своего дома, Ольгерд устранил братьев и племянников, Ягайло поступил так же. Даже в самые худшие времена, которые наступят при правнуках Ивана Красного Василии Тёмном и Дмитрие Шемяке, не было убийств, но только “око за око”: Василий II ослепил родного брата Дмитрия Шемяки Василия, прозванного затем Косым, а Шемяка через десять лет отомстил слепотой уже самому Василию II, которого с той поры стали звать Тёмным. И не более того.

“Вражда была сильная между князьями, чуть-чуть не дошло до кровопролития”, — замечает летописец о столкновении в 1347 году князя Кашинского Василия Михайловича со своим племянником Всеволодом Александровичем. “Однако любопытно, — удивляется историк С. М. Соловьёв этому факту, — что кровопролития не было: не любили его северные князья, старались кончить дело какими-нибудь другими средствами”.

Таковы были тогдашние нравы на Руси, драчливые, но менее жестокие всё-таки, нежели в Европе и на ордынском Востоке.

Наши историки не очень-то любили потомков Ивана Калиты, выделяя из них (и то не все) только Ивана III, наделяя их чертами лиц заурядных... Особенно жёсткую характеристику им дал В. О. Ключевский: “Прежде всего, московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большого Гнезда вообще не блесло избытком выдающихся талантов, за исключением разве одного Александра Невского. Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия”. С этим утверждением знаменитого историка можно и нужно поспорить.

При княжении Симеона Русь не испытала никаких потрясений: ни татарских нашествий, ни внутренней смуты. Он обладал весомым авторитетом не только в Северо-Восточной, но и в Юго-Западной Руси. Есть свидетельства того, что даже литовские князья просили у него разрешения жениться на родовитых русских красавицах из других княжеств. Что там соседи-литовцы — сам византийский император Иоанн Кантакузин, как написано ранее, называл его в послании “благороднейшим великим князем всея Руси, любезным сродником” своего “царского величества, киром Симеоном”.

Вот какую характеристику дал выдающийся историк и государственный деятель Василий Татищев в защиту нравственных и государственных качеств старшего Даниловича: “Великий князь Симеон был прозван Гордым, потому что не любил неправды и крамолы и всех виновных сам наказывал, пил мед и вино, но не напивался допьяна и терпеть не мог пьяных, не любил войны, но войско держал наготове”. И то правда!

Интересен и такой случай, говорящий о твёрдости характера великого владимирского и московского князя в самом начале его правления. Понятно, что после основательных трат в Золотой Орде Симеону Ивановичу необходимо было получить серебро для дальнейших выплат, а взять его можно было, в первую очередь, с Новгорода, который богател от торговли с немецкими городами. Его наместники приехали для сбора чёрной дани в богатый город Торжок. Великий Новгород почёл себя обиженным, когда узнал от бояр Торжка о том, что к ним приехали сборщики дани. Недовольное таким своевольным действием великого князя владимирского новгородское войско пришло в Торжок и заковало в цепи московских сборщиков дани с их жёнами и детьми. А князю передали, что он — князь только московский, что Новгород — город вольный.

Симеон не стал спорить, но спокойно собрал войско, в котором были полки московские, суздальские, ярославские... и подошёл к Торжку. Двор великого князя составляли все удельные князья, бояре и даже митрополит Феогност. Новгород испугался такой силы и прислал своего архиепископа просить мира, заплатил Симеону необходимую дань со всей волости, 1000 рублей с Торжка и был счастлив, что тот не нанёс никаких ущемлений древним уставам.

Симеон был не только властный, но и умный вождь, умело исполнявший отцовские заветы и в политике. Его решительный и хитрый соперник — великий литовский князь Ольгерд, сын Гедимина — решил натравить хана Золотой Орды на владимирского и московского правителя, для чего послал своего брата Кориада в 1349 году с предложением помочь ему в нападении на Симеона. Узнав об этом, великий владимирский князь немедленно отправил посланца к Джанибеку: “Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен; теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится на тебя самого”. Джанибек, вняв словам Симеона, выдал ему Кориада. Пришлось Ольгерду посылать в Москву дары с просьбой освободить брата, что и было сделано.

Самое время напомнить уважаемым читателям о том, что литовское государство, созданное в начале XIV века и достигшее к середине столетия пика славы своей в Восточной Европе, по этническому составу было более чем на три четверти русским, ибо населяли его жители, которых по наименованию страны называли “литвинами”, как сейчас французами, итальянцами, испанцами, румынами называют жителей Франции, Италии, Испании, Румынии. Они были в основном православными людьми. И государственным языком великого княжества Литовского, а по сути — Литовско-Русского, вплоть до середины XVI века был русский язык. Современный историк справедливо заметил в своей книге: “После Батыевой рати Литва не подчинилась Орде и, сохранив независимость, стал ядром обширного Литовско-Русского государства. Литовские князья придерживались язычества” (Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., Лениздат, 1990. С. 7).

Но несмотря на языческие пристрастия литовских князей, русские люди, жители Литвы, относились к ним с уважением, видя в них защитников христианства, ибо они были ещё со времён Миндовга в сродстве с потомками Владимира Крестителя, именуемого в русских былинах “славным Владимиром стольне-киевским”. Да и сам Ольгерд был женат на Ульяне, дочери тверского князя Александра Михайловича, а сестра его Айгуста-Анастасия была замужем за Симеоном Ивановичем (умерла в 1345 году). Неслучайно дети Ольгерда стали исповедовать православную веру, даже Ягайло, который позже, и только по политическим соображениям, принял католичество.

Так что особых противоречий не было. Были столкновения властных амбиций, как между тверскими и московскими князьями за великий стол владимирский, как ссора в единой семье между родными и двоюродными братьями. Шло жестокое соперничество между Восточной Русью и Литвой за объединение всех русских земель в единое целое. Такая же борьба шла и внутри епархии Киевской и всея Руси за право окормлять паству, находившуюся на территориях двух русских государств. Особенно она обострилась, когда константинопольский Патриарх в 1355 году разрешил — по настойчивому ходатайству Ольгерда — на православных русских землях, входивших в состав Литвы, создать особую митрополию.

Но это будет только через два года после смерти Симеона Ивановича. А пока великий литовский князь, несмотря на то, что был грозой для своих соседей: ордена меченосцев, польского короля, монгольских войск — всё же осторожничал в своих отношениях с великим владимирским князем, хотя, естественно, не мог стать его союзником, ибо тот был данником Золотой Орды. И тем не менее, когда в 1351 году сын Ивана Калиты поссорился со смоленским князем и пошёл походом на Смоленск, то его встретило на реке Протве литовское посольство и заключило мир — по инициативе Ольгерда — между великими княжествами. А уже на реке Угре москвичей встретило посольство смолян, которое также предложило заключить мир. Возможно, это был дальний политический ход Ольгерда. Но это же говорит и о том, что великий князь литовский вынужден был считаться со своим бывшим шурином.

Симеон Иванович, как и положено православному князю, был богобоязнен и, как отец его, строил много храмов. В 1343 году в результате пожара на Москве сгорело 28 церквей. На следующий год Симеон заложил две церкви: Успения Богородицы и архангела Михаила. В 1345 году — Спаса на Бору. Для этой церкви впервые в Московском княжестве были отлиты три больших и два малых колокола.

Любопытное свидетельство оставил в рукописной статье “Новгород Великий”, написанной в 2000 году незадолго до своей трагической гибели, исто-

вый подвижник русской культуры Дмитрий Михайлович Балашов. Рассказывая об истории древнего города, он говорит о Городце, “где остались развалины большого храма, строенного в XIV столетии на старом основании ещё Симеоном Гордым, и где стоит знаменитая Нерединская церковь с дивными росписями, увы, почти без остатка погибшими во время последней войны, когда храм был обрушен артиллерийским огнём”.

В марте 1353 года умер от чумы митрополит Феогност, который был похоронен в Успенском соборе рядом с его предшественником митрополитом Петром, первым “московским и всея Руси чудотворцем”. Это Пётр настойчиво советовал Ивану Даниловичу Калите: “Аще мене, сыну, послушаеши и храм Пресвятой Богородицы воздвижеша в своем граде... и сам прославишься паче иных князей, и сынове, и внуки твои в роды и роды; и град прославлен будет во всех градах русских; и святители поживут в нем. И възыдут “руки его на плеча враг его”, и прославится Бог с нем; аще же и мои кости в нем положены будут”. И когда тот замешкался, сам, предчувствуя скорый уход свой, 4 августа 1326 года заложил новый собор на месте пришедшей в негодность церкви Св. Дмитрия Солунского. В декабре первый московский митрополит отдал Богу свою душу, а через год белокаменный собор был построен. Помня, что грядущее Москвы, предсказанное главой Русской Православной Церкви, должно будет исполниться, митрополита Петра похоронили у северного предела Поклонения веригам Св. Апостола Петра, а в южном пределе был захоронен первый московский великий князь Юрий Данилович, брат Ивана Калиты. Москва обрела своих первых небесных защитников.

Через сорок дней после смерти митрополита Феогноста умирает великий князь Симеон. Но он успевае отослать в Константинополь владимирского епископа Алексия, который на время отъезда святителя по церковным делам был его наместником, с просьбой к Вселенскому Патриарху утвердить его митрополитом Киевским и Владимирским. Для Москвы это было очень важно – иметь своего, не присланного из близкой Подолии или далёкой Греции главу Православной Церкви.

В завещании Симеона любопытно для нашего времени следующее наставление братьям, из которого показывается явление старых отцовских бояр, хранителей правительственных преданий, добрых советников, которых мы так мало видели прежде: “По отце нашего благословенью, что приказал нам жить заодин, также и я вам приказываю, своей братье, жить заодин; лихих людей не слушайте, которые станут вас ссорить; слушайте отца нашего, владыки Алексея, да старых бояр, которые отцу нашему и нам добра хотели. Пишу вам это слово для того, чтоб не перестала память родителей наших и наша, чтоб свеча не угасла”.

Симеон умер молодым. Ему было только 36 лет.

2. “Христолюбивый, тихий и милостивый”

Так уважительно писал о великом князе Московском Иване Ивановиче Красном (1353–1359), родившемся 30 марта 1326 года, летописец. Великое княжение ему досталось после его брата – великого князя Симеона Гордого, который скончался вместе с двумя своими сыновьями (четверо других детей умерли ещё совсем юными) от чёрной смерти (моровой язвы – чумы).

Я вынужден сделать небольшое отступление, которое вроде бы уводит в сторону от судьбы Ивана Ивановича Красного (он родился в церковный праздник – на Красную горку. – А. П.), а на самом деле многое объясняет в истории становления Московского государства.

Думая о зыбкости человеческого существования и промыслительности обстоятельств жизни конкретных людей и целых стран, начинаешь понимать, что книга наших судеб листается на небесах, и действительно ни один волосок не падает с головы человека без попущения Божьего, а пути Господни и впрямь неисповедимы, то есть мы не можем предвидеть, предведать, познать их. Невозможно было и предположить, зная о вражде Твери с Москвой, что деятельный, но всё же бездетный Симеон, осчастливленный потомством только в третьем браке (не одобряемом Церковью), именно с Марией, дочерью Александра Михайловича Тверского, казнённого в Орде, несчастного соперника его отца, Ивана Калиты, будет иметь дочь (вышедшую замуж за

младшего брата Александра за Василия Михайловича) и шесть сыновей. И все шестеро умрут во младенчестве. Сам же великий князь, борясь со смертельной болезнью, будет диктовать братьям свою последнюю волю, с которой читатель уже познакомился выше.

Не случайно писал об этом Симеон Иванович. Он видел, как наследники его уходили один за другим. И прямая линия его пресеклась. Возможно, он понимал, что и брат его Иван недолговечен, как братья: Даниил, умерший юным, и Андрей, сгоревший, как свеча, от чумы в том же 1353 году. А свеча их рода зависела теперь только от детей Ивана: Дмитрия и Ивана. А если что случится с ними, то погибнет и великая идея отца их – идея о Москве, собирательнице земель русских в единое целое.

Заглядывая вперед, скажем, что как из пятерых (возможно, семерых. – **А. П.**) сыновей Даниила Московского плодоносным было только древо Ивана Даниловича, так от Калиты (а это четверо сыновей и шестеро дочерей) по мужской линии продолжателями его рода были только сын Ивана II Дмитрий да Владимир, сын Алексея, которые стали героями Куликовской битвы, и народом наречены были за храбрость и мужество Донскими.

И уж совсем невероятным, даже фантастическим показалось бы предположение о том, что кровь двоюродных братьев, русских витязей, когда-либо соединится в одно целое и явит миру правнука их – одного из выдающихся русских государственных деятелей, равного умом и доблестью своему предку – Св. Александру Невскому, – осуществившему мечту его о полной независимости Руси и заслуженно названного не только Иваном Великим, но Иваном Правосудом.

Тоненькая ниточка, на которой висело таинственное предопределение русской нации, могла оборваться в связи со смертью Ивана Красного, во время младенчества его девятилетнего сына Дмитрия. А этого, видно, не могли допустить ни Богородица, покровительница Руси, ни Св. Александр Невский, тогда ещё не причисленный Церковью к лику святых, но уже своими небесными трудами защищавший и русскую землю, и своих потомков. И был, был их вестник среди русских людей, осуществлявший их предначертания на земле.

Вне сомнения, умён был Симеон Иванович и догадывался о многом, ибо недаром же в завещании вспоминает он владыку Алексея, называя его “отцом нашим”. В год смерти Ивана Даниловича сорокадвухлетний епископ Владимирский Алексей стал митрополитским наместником. О будущем Руси можно было не волноваться – великий ум начал свою плодотворную работу по созданию Российского государства. Симеон Иванович во всех своих начинаниях всегда чувствовал поддержку владыки Алексея, советовался с ним, получая заряд мощной энергии. Престарелый митрополит Феогност и не мечтал о лучшем преемнике для Русской Православной Церкви.

В 1354 году в чине митрополита Киевского и всея Руси Алексей вернулся из Константинополя в Москву, и началось его двадцатипятилетнее служение Богу и России.

Иван Иванович в марте того же года стал великим князем владимирским и московским. В споре с князем суздальским Константином Васильевичем хан Джанибек держал сторону московского князя. Ему нравились, как и отцу его Узбеку, уравновешенные, богатые московские князья, которые умели постоять за себя, но в драку зряшную не ввязывались.

Не обладая сильным характером Симеона, великий князь умел терпением и незлобностью своей свести противоборство к мирному разрешению. Так, полтора года длился новгородский конфликт, но перемирие было заключено взаимоуважительное. Сумел он в итоге замириться и со своим соперником за великокняжеский титул – суздальским князем Константином Васильевичем.

Известен и такой факт: когда Иван Иванович был ещё в Орде, на Лопасню (ею владел Владимир, малолетний сын только что умершего Андрея Ивановича) напал молодой рязанский князь Олег и овладел городом, захватив в плен московского наместника. Но и тогда Иван Красный не довёл дело до объявления войны и решил всё миром.

Впрочем, великий князь мог проявить и характер. Так, когда после убийства хана Джанибека, который был добр к христианам, в Орде воцарился его сын Бердибек, пожелавший разграничить земли между рязанским и московским княжествами, и прислал в 1358 году для этого сына своего царевича Мамат-Ходжу с войском, то Иван II не пустил ордынский отряд на свою террито-

рию. Такое открытое неповиновение было первым в истории взаимоотношений Орды и московских князей. И что удивительно: никакого наказания не последовало. Возможно, потому, что в Орде началась великая междоусобица, борьба за ханскую власть.

Воинственный Ольгерд часто тревожил московские, смоленские и брянские границы. В 1356 году он захватил Ржев (Ржева). Иван Красный в 1358 году, вскоре после возвращения из Орды, где получил великокняжеский ярлык от Бердибека, снарядил войско Можайское и тверское для возврата города. Этот поход был удачным, и Ржев был возвращён.

Таковой дерзости не простил, судя по всему, великий князь литовский. И когда прибыл в том же году в Киев митрополит Киевский и всея Руси Алексий для исполнения своих владыческих обязанностей перед православными, Ольгерд велел схватить его и бросить в тюрьму, “полонил его спутников, может быть, и убил был его тайно...”.

Мы уже писали выше о том, что великий литовский князь, владевший Киевом и чувствовавший себя наследником киевского престола, добился от Константинопольского Патриарха отдельной митрополии для православных верующих. Но этого ему показалось мало, и он потребовал для митрополита Романа ещё и титула митрополита Киевского. Москве, естественно, не захотелось прерывать вековые традиции и разделять единое духовное пространство. И всё-таки Константинопольский Патриарх оставил Алексия (в 1356 году) митрополитом Киевским и всея Руси, а литовского иерарха велел именовать митрополитом Малой Руси без Киева. Вот почему два года спустя последовало такое жестокое обращение с духовным наставником православных. К счастью, Алексею, не без помощи доброхотов, удалось тайно уйти из заключения.

Вернулся в Москву митрополит Алексий уже в 1360 году, когда началась *ордынская замятня* — чехарда со сменой ханов. В этом же году Ольгерд, который был самолюбив и не привык отдавать завоеванные города, захватил снова Ржев, но это было уже после смерти великого князя.

Скончался Иван Красный 13 ноября 1359 года и оставил сиротами двух малолетних сыновей Дмитрия и Ивана и дочь Анну. И оставил сиротливым Московское княжество.

Но к счастью, как пишет историк Николай Устрялов, “ещё не совсем погибли плоды Иоанна Даниловича: умные бояре, воспитанные в его школе, руководили сыном, следуя указанию великого и мудрого святителя, митрополита Алексия, который духовною властью смирял крамольников тем успешнее, что сам он пользовался особенной милостью хана. (Он вылечил молитвой и лампадным маслом от болезни глаз ханшу Тайдулу, а в благодарность за это получил место для постройки монастыря в Кремле на Ордынском подворье. монастырь этот называли Чудовым. — А. П.)

В это тяжёлое для Москвы время, когда великокняжеский ярлык получил суздальский князь Дмитрий Константинович, когда удельные князья стали чувствовать себя снова государями и разводить “которы” (раздоры, ссоры, нестроения. — А. П.), митрополит Алексий стал править на Москве твёрдой рукой.

С помощью верных бояр в 1362 году Дмитрию удалось, благодаря раздвоению власти в Орде, получить ханский ярлык на великое княжение во Владимире. А затем, собрав войско и посадив юного князя на коня, бояре двинули на Дмитрия Константиновича. Тот, увидев московские полки, вздрогнул, охнул и... смирился, признав старшинство Дмитрия Ивановича над собою. А спустя три года выдал свою дочь Евдокию, не без помощи митрополита, за пятнадцатилетнего великого князя. Так были замирены соперники.

Свою роль в скором завершении конфликта сыграла и вошедшая уже глубоко в сознание людей мысль о первенстве дома Ивана Калиты перед другими ветвями Рюриковичей. А ещё через четырнадцать лет своё и Москвы право на лидерство Дмитрий оправдал на Куликовом поле.

Не дано было угаснуть свече.

(Продолжение следует)